

Студент Седьмого сектора победил!

Зал взорвался оглушительным, неистовым гулом. Студенты Университета U, еще минуту назад сидевшие с поникшими головами, теперь словно переродились — трибуны ревели от восторга.

Победа! Невероятная, чистая победа!

Седьмой сектор основали сравнительно недавно, и ему откровенно не хватало веса, авторитета и тех глубоких традиций, которыми славились старые регионы. И пусть в этом году турнир принимал Университет U, приглашенные соперники вели себя как высокомерные хозяева жизни. Они взирали на местных свысока, изливая на них презрение, предвзятость и яд.

А теперь они стояли посреди трибун, ошарашенные и безмолвные, будто громом пораженные.

Особым издевательством для побежденных звучали вопли ликующих хозяев поля:

— Университет U — лучший! Хай Тянь — лучший!

Элита факультета парфюмерии, признанные фавориты и надежды старых секторов, всухую продули безродному мелкому аристократишке с факультета древней культуры.

Все взоры устремились на арену, где лежал поверженный триумфатор. Юноша полулежал, укрытый надежным плечом маршала Хога, и, кажется, постепенно приходил в себя. Его обычно ясные, красивые глаза были полуприкрыты, затуманенный дымчатый взгляд манил и затягивал, словно омут, а на губах играла едва заметная улыбка.

Мысленно поставив галочку в своей личной книге обид, Хай Тянь прикрыл ладонью рот, оставив на виду лишь робкие, влажно поблескивающие глаза с покрасневшими уголками век. Направленный на Бай Лина взгляд лучился кротостью и испугом.

— Скажите... — еле слышно, со священным трепетом пролепетал он, — теперь вы извинитесь передо мной?

Казалось, перед публикой предстал самый беззащитный, несправедливо обиженный ребенок в мире. И этот тихий вопрос мгновенно заставил толпу вспомнить предысторию. Точно! Ведь из-за мимолетного, высокомерного вердикта Бай Лина на Хай Тяня вылились ушаты грязи, подозрений и оскорблений.

И теперь их победитель, их гордость, перед лицом заносчивого гения из Первого сектора мог лишь робко, склонив голову, просить о капле справедливости! Где это видано?

Горячая студенческая кровь закипела. Трибуны Университета U в едином порыве взметнули

руки:

— Извинись! Извинись!

— Аристократам все дозволено?! Можно безнаказанно клеветать на людей?!

— Хай Тянь тоже из благородных!

Вся глухая обида и недовольство, копившиеся годами, наконец нашли выход.

Даже те студенты, что раньше терпеть друг друга не могли, сейчас сплотились в единый монолит. В эти смутные для Седьмого сектора времена, когда земля уходила из-под ног, а надежда угасала, триумф Хай Тяня стал для всех мощнейшим спасительным глотком воздуха.

— Про... прошу прощения. Это была моя ошибка, — хрипло выдавил Бай Лин.

Ему пришлось сполна заплатить за собственную спесь. Привыкший к тому, что перед ним все лебезили и заискивали, он впервые в жизни склонял голову перед кем-то — и делал это публично, под прицелом тысяч осуждающих глаз.

Хай Тянь захлопал ресницами и тихонько протянул:

— Не могли бы вы сказать чуть громче? Я не расслышал.

Бай Лин едва не задохнулся от ярости, испепеляя наглеца взглядом. В устах любого другого это прозвучало бы как неприкрытое издевательство, но невинный, кроткий вид Хай Тяня заставил толпу поверить: бедняжка и впрямь ничего не расслышал из-за шума трибун.

В душе Бай Лина бушевал ураган. Он не верил! Он категорически отказывался признавать поражение! Нужно немедленно передать образцы профессору Карло на экспертизу. Не может обычный человек дважды подряд создать идеальный аромат с наивысшими показателями. Подобные феноменальные результаты под силу лишь представителям древнейших благородных династий с чистейшей генетикой.

Рядом бледной тенью замер его младший брат.

— Я требую, чтобы Научно-исследовательский институт... — начал было Бай Лин, намереваясь сослаться на авторитет ведомства.

Но договорить не успел. Тело исследователя сковал ледяной ужас, прокатившийся от позвоночника к затылку. Тяжелый, размеренный стук армейских сапог прозвучал для него как

шепот самой смерти.

Хог сделал шаг и с силой опустил ногу. Высокопрочное покрытие под его подошвой с сухим трестом лопнуло, расплзаясь густой паутиной трещин. Будь на месте этих плит человеческий череп, из него бы живьем выдавило мозги.

Маршал хищно, пугающе оскалился. От его фигуры исходили волны столь осязаемой, удушающей жажды крови, что он походил не на защитника отечества, а на восставшего из преисподней Асуру.

Бережно держа на руках полубморочного Хай Тяня, маршал опустил тяжелый взгляд на Бай Лина и процедил сквозь зубы, чеканя каждое слово:

— С каких это пор ты уполномочен вещать от имени Научно-исследовательского института Первого сектора и ставить под сомнение честность турнира?

Бай Лин крепко сжал челюсти. Вспомнив о профессоре Карло, он попытался унять дрожь. Стоит ли делать официальное заявление от лица Научно-исследовательского института? Его пальцы судорожно сжались в кулаки. Если этот выскочка действительно смухлевал, то после разоблачения профессор закроет глаза на самоуправство ученика. Но... что, если парень чист?

От этой мысли Бай Лина бросило в холодный пот. Выступать от имени Научно-исследовательского института без согласования руководства — это огромный риск. Пока он колебался, младший брат тихонько потянул его за рукав.

— Брат... Я действительно проиграл? — прошептал Бай Лин.

С самого детства все твердили, что он — поцелованный судьбой гений, ничуть не уступающий старшему брату. И теперь его мир рушился, точно иссохшее дерево под ударом топора. Он, надежда семьи, уступил какому-то жалкому, безродному выскочке из Седьмого сектора! Зрочки мальчика испуганно метались, мысли путались. Но ведь брат уверял, что этот проходимец жульничает!

Бай Лин сжал плечо брата, пытаясь вернуть ему самообладание.

— Бай Лин, послушай...

Выдержав паузу, старший брат выпрямился и, глядя прямо на маршала и пригревшегося на его груди юношу, громко объявил:

— Полученные показатели чересчур безупречны. С теоретической точки зрения подобные результаты достижимы только в стерильных условиях передовых лабораторий. Я по-прежнему настаиваю на проверке. Научно-исследовательский институт Первого сектора проведет

тщательную экспертизу и предоставит официальный отчет по данному прецеденту.

При упоминании авторитетнейшего Научно-исследовательского института Первого сектора по залу прокатился приглушенный вздох удивления и тревоги.

Истощенный колоссальным расходом ментальных сил, Хай Тянь лишился чувств прямо на арене.

Когда он пришел в себя, перед глазами предстал безупречно белый потолок палаты, а вокруг койки стояла плотная толпа взволнованных людей. Военный врач, подтвердив, что здоровью победителя ничего серьезного не угрожает, велел всем разойтись.

Вскоре в палате остался лишь один человек. Хог высился у постели, буравя очнувшегося юношу тяжелым, трудночитаемым взглядом.

Широкие плечи маршала, облаченного в парадный мундир, заслоняли льющийся из окна свет, из-за чего Хай Тянь поначалу не мог разобрать выражение его лица.

Сумерки сгустились стремительно, уступая место глухой ночной темноте. Хог опустился на стул у изголовья, устроившись вполоборота. Щелкнул выключатель, и мягкое янтарное свечение выхватило из темноты резкий профиль его лица, частично скрытый тенью от козырька фуражки.

В этом зыбком полумраке Хай Тянь мысленно признал: какими бы варварскими методами ни пользовался этот высший эволюционировавший, внешность у него была безупречной. Если откинуть предубеждения и его устрашающую ауру, лицом Хог походил на шедевр великого скульптора, вложившего в работу всю свою жизнь.

— Хай Тянь, — негромко нарушил тишину маршал. — Ты взял первое место на турнире.

Он просто констатировал очевидное.

Лежащий на постели юноша робко просиял и, слегка смутившись, прошептал:

— Главное... чтобы ты был доволен.

Хог опустил веки.

«Неужели этот мелкий шпион за время слежки действительно без памяти влюбился в меня?

Неужели он из кожи вон лезет лишь ради моей улыбки?»

— Да, я доволен, — ровно произнес маршал.

На лице Хай Тяня расцвела радость, но Хог тут же продолжил чуть мягче:

— Я рад, что Университет U утер нос выскочкам, что Седьмой сектор показал зубы, а ты наконец взялся за ум.

Маршал повернул голову, и его взгляд мгновенно обдал собеседника арктическим холодом.

— Но лично за тебя... за «тебя», Хай Тянь, я не радуюсь.

Улыбка сползла с лица юноши. Он оцепенел.

— Я еще в самом начале обозначил границы, — бесстрастно, словно зачитывая служебный рапорт, произнес Хог. — У меня нет к тебе чувств. Наш союз — деловое соглашение, где каждый извлекает свою выгоду. За три года пора бы уже избавиться от иллюзий. Впрочем, если тебе нравится тешить себя надеждами, я не против продолжить эту игру на публику.

Маршал рассуждал прагматично: удобная, управляемая марионетка, готовая ради него на любые безумства, была ему только на руку. Жалость Хог испытывать умел, но глупцов никогда не щадил.

Он поднялся и сверху вниз посмотрел на Хай Тяня. На мгновение ему показалось, что в очертаниях этого аккуратного подбородка и неторопливой, сонной манере речи есть нечто общее с его настоящим возлюбленным. Тот так же спокойно взирал на суету мира. Но сходство было лишь иллюзией. Навязчивость Хай Тяня вызывала у него глухое раздражение.

«Что ж, если я использую его в своих интересах, то лишь потому, что он слишком слаб, чтобы защитить себя»

Дойдя до двери, Хог остановился. Не оборачиваясь, он бросил через плечо:

— Я никогда тебя не любил. Ни в прошлом, ни сейчас.

И уж точно не полюблю в будущем.

Дверь с негромким стуком захлопнулась.

Хай Тянь какое-то время лежал неподвижно, переваривая услышанное, а затем мысленно

возликовал.

«Потрясающе! Было бы гораздо хуже, если бы этот маньяк действительно ко мне привязался»

«Раз так, то известие о твоей неверности не разобьет ему сердце?» — подала голос Система.

«Более того, мы обставим всё так, будто после нашего разрыва я просто пустился во все тяжкие и нашел утешение во втором, третьем и четвертом браке!»

От переполнявшего его восторга Хай Тянь едва не подпрыгнул на кровати, но слабость в теле вовремя охладила его пыл. Любит — не любит, какая разница? Зато теперь, если правый начальник штаба решит ковать железо, пока горячо, маршалу Хогу останется только развести руками.

Раздался мелодичный сигнал.

Активировав оптический компьютер, Хай Тянь развернул перед собой голографический экран. На нем появилось изображение строгого мужчины средних лет в белоснежном лабораторном халате. На связь выходил его законный супруг из Первого сектора.

Прямое сообщение между удаленными регионами обычно блокировалось службами безопасности Седьмого сектора, но поскольку их брачный союз официально числился в базах данных как действующий, система пропустила зашифрованный сигнал в обход стандартных протоколов слежения.

Лицо мужчины на экране дышало презрением.

— Я питал слабую надежду, что у тебя осталась хоть капля стыда, — ледяным тоном произнес он. — Но ты превзошел все мои худшие ожидания. Как у тебя хватило наглости жульничать прямо под носом у Бай Лина?

Вспомнив жалобы своего ученика на подозрительно близкие отношения Хай Тяня с маршалом Хогом, Карло почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он так и не признался Бай Лину, что этот позорный выскочка формально приходится ему мужем.

Профессор поправил дужку очков, стекла которых блеснули холодным отражением ламп.

— Давай разведемся.

— Послушай меня внимательно, Хай Тянь. Я сам подготовлю все документы. Но даже не думай претендовать на патенты и права моих научных исследований. Мои труды призваны облегчать жизнь простым людям, а не служить кормушкой для таких ничтожеств, как ты.

Взглянув на застывшего в изумлении юношу, Карло подавил брезгливость и добавил:

— Если подпишешь бумаги без лишнего шума, мы разойдемся миром. А я, так и быть, скрою результаты проверки твоей стряпни и помогу замять скандал с фальсификацией на конкурсе.

Профессор горько усмехнулся. Кто бы мог подумать, что единственным подлогом в его безупречной научной карьере станет фальсификация отчета — и все ради того, чтобы навсегда избавиться от назойливого супруга.

Хай Тянь медленно закрыл рот.

«Разводиться сейчас нельзя, — засуетилась Система. — Как только вы официально разорвете узы, этот мерзавец тут же осознает, насколько был слеп, и начнется затяжная драма с раскаянием и попытками тебя вернуть»

Хай Тянь лишь мысленно усмехнулся. Поможет он замять скандал, как же! Да он спать спокойно не может, мечтая вышвырнуть его из своей жизни.

Пока Карло ждал ответа, Хай Тянь тихо вздохнул и с преувеличенной тоской произнес:

— Но мое сердце по-прежнему принадлежит тебе, Локэ... Я не дам согласия на развод.

Маска ледяного спокойствия на лице Карло дала трещину. Лицо его исказилось от злости.

— Не смей называть меня этим именем! Ты ведь прекрасно знаешь, что я сменил его на Карло! Не хочешь по-хорошему? Что ж, пеняй на себя.

Его голос сорвался на шипение:

— Завтра же я предам огласке результаты экспертизы твоей парфюмерии. Все увидят, какой ты лжец и проходимец! И когда ты начнешь кричать, что невиновен или что являешься моим супругом, тебе уже никто не поверит!

Экран мгновенно погас.

Хай Тянь ткнул пальцем в пустой воздух и раздраженно фыркнул:

— Каковы наглецы! Один краше другого. Я лично позабочусь, чтобы их раскаяние закончилось абсолютным провалом и худшим финалом из возможных!

«Главное — закрой мои годовые показатели, — миролюбиво отозвалась Система. — А копаться

в этом мусоре и искать среди них нормального парня вовсе не обязательно»

Улегшись поудобнее, Хай Тянь погрузился в размышления. Муженек из Первого сектора прямо-таки изнывает от желания избавиться от брачных уз. Значит, нужно напомнить ему о былых временах — отправить какую-нибудь памятную вещицу из их общего прошлого, чтобы освежить воспоминания.

Он заглянул в пространство своего оптического компьютера. Пространственный карман объемом в один кубический метр — стандартная замена обычным дорожным сумкам — был практически пуст. Там сиротливо ютилась лишь одна кружка. Любой предмет, помещенный в такое хранилище, автоматически регистрировался в общей сети, поэтому держать там личные или секретные вещи никто не рисковал. Военные, конечно, пользовались закрытыми автономными накопителями, но гражданским такие технологии были недоступны.

Хай Тянь извлек кружку на свет. Это была парная чашка к той, что он недавно презентовал маршалу Хогу. На ее боку красовалась половинка алого сердца, а ручка была изогнута в виде изящного сердечка. Изначально он планировал отдать ее той маленькой девочке из трущоб, но Хог тогда недовольно буркнул, что такую посуду неудобно мыть. Да и дарить парные вещи разным людям было как-то некорректно.

Что ж, пусть забирает законный супруг. В конце концов, этот комплект когда-то покупался именно к их свадьбе.

Достав сохраненный шаблон любовного признания, которое он когда-то адресовал маршалу, Хай Тянь быстренько заменил имя получателя с «Маршала Хога» на «Профессора Локэ» и оформил срочную доставку посылки вместе с кружкой.

Поздней ночью Карло ворочался в постели, мучимый бессонницей. Услышанное от Хай Тяня имя всколыхнуло в его душе пласт старых, полузабытых чувств.

«Локэ...»

Давно никто не называл его прежним именем. Чтобы навсегда вычеркнуть из памяти жалкое прошлое, он сменил не только документы, но и саму личность. И надо же было этому ничтожеству раскопать его тайну.

Терминал пискнул, оповещая о доставке посылки.

Сначала Карло хотел заблокировать отправление, но какое-то непреодолимое любопытство заставило его принять пакет. Внутри оказалась знакомая чашка.

Он сжал фарфоровую ручку так крепко, что на тыльной стороне ладони проступили вены.

«Неужели этот идиот всерьез полагает, будто дешевая посуда заставит меня передумать?»

Бегло проглядев приложенное письмо, Карло брезгливо швырнул его в угол. Сама мысль о Хай Тяне вызывала у него непреодолимое отвращение.

Победа гарантировала Хай Тяню путевку в Имперский университет по программе обмена. Однако из-за официального протеста Бай Лина и яростного противодействия столичной профессуры перевод временно заморозили до окончания расследования.

Хай Тянь лишь вздохнул. Жаль, конечно. Жить в столице на нелегальном положении не хотелось, куда приятнее было бы заявиться туда с официальным статусом — тем более что приглашенным студентам обещали бесплатное жилье и питание. Прекрасная возможность пожить в свое удовольствие, ни о чем не заботясь.

Но ждать официальных результатов экспертизы пришлось бы слишком долго. Срок действия его временного пропуска истекал, так что медлить было нельзя — пора бежать.

Тем временем в виртуальной сети разверзся настоящий ад.

Пользователи из Первого сектора буквально исходили желчью. Их гордость, юный гений Бай Нин, потерпел поражение! Чтобы спасти репутацию брата, Бай Лин пошел на крайние меры и вынудил авторитетный Научно-исследовательский институт вмешаться в скандал. И если выяснится, что Хай Тянь победил честно, Первый сектор будет опозорен на всю галактику.

В комментариях бурлили потоки яда. Система, из любопытства листавшая ленту новостей, то и дело зависала от негодования.

— Какая гнида! Сначала смухлевал, а потом заставил нашего Бай Лина извиняться на глазах у всех!

— Мразь, попадись он мне в темном переулке, я бы его...

Сетка пестрела отборной грязью и прямыми угрозами.

Хай Тянь прекрасно понимал: законный супруг твердо вознамерился стереть его в порошок. Жрать грязь и ждать, пока его загонят в угол, было глупо. К черту квоту на обмен — пусть лучше сгорит, чем достанется ничтожному Бай Нину. Это станет отличным щелчком по носу спесивым братьям.

Пропускной пункт на границе сектора открывался уже завтра. Заручившись поддержкой

Системы, Хай Тянь незаметно выскользнул из госпиталя, чтобы уладить последние дела перед побегом.

Привычной дорогой он направился вглубь трущоб. Первым делом нужно было повидаться с маленькой сироткой.

Девочка удивилась, увидев его одного.

— А где тот сильный братик? — спросила она, крепко сжимая его ладонь. — Здесь небезопасно, уходи скорее.

Хай Тянь присел перед ней и ласково погладил по голове:

— Мне пора уходить, малышка. Я уезжаю.

— С тем сильным братиком? — Глаза девочки на мгновение вспыхнули надеждой, но тут же погасли.

Приемные родители поговаривали, что в Седьмом секторе вот-вот вспыхнет война. Все, у кого были деньги и связи, давно спешно покинули эти места. Те же, кому бежать было некуда, лихорадочно скупали продукты и медикаменты, надеясь переждать бурю в подвалах. Бежать ей было некуда.

Она протянула Хай Тяню потертую игрушку:

— Это мой любимый мишка. Возьми его с собой и уезжай как можно дальше. Говорят, на войне очень страшно.

У Хай Тяня перехватило дыхание. Он понял без слов всю глубину детской заботы.

— Войны не будет, — мягко произнес он.

Девочка робко улыбнулась, но в глазах ее застыло недоверие. Она решила, что добрый старший брат просто пытается ее утешить. Все ведь знали: как только маршал Хог падет, чужаки тут же разорвут сектор на части.

Встретившись с ней взглядом, Хай Тянь твердо и отчетливо повторил:

— Поверь мне. Никакой войны не будет.

Прощание вышло коротким.

Попрощавшись с крохой, он поспешил на заброшенное кладбище, к безымянной могиле матери Хога. Сложив ладони вместе, он торопливо зашептал, обращаясь к покойной:

— Простите за беспокойство, уважаемая, но если вы останетесь здесь, Хога неминуемо раскроют.

Самым разумным решением было забрать прах и личные вещи, чтобы у ищеек Империи не осталось ни единой зацепки. Нужно было успеть выкопать тайник до того, как сюда нагрянут имперские агенты.

Достав из оптического компьютера небольшую лопатку, Хай Тянь сжал холодную рукоять. По спине пробежал неприятный холодок.

Юноша невольно вздрогнул.

«Хозяин, смелее! — подбодрила Система. — Не бойтесь, привидений не существует!»

«Я и не боялся, пока ты об этом не заговорила, — проворчал Хай Тянь, лихорадочно копая рыхлую землю. — С тех пор как я связался с тобой, моя жизнь превратилась в сплошное кошунство»

Времени оставалось в обрез. Стоило ему унести прах — и все планы имперских шпионов полетят к чертям.

Много лет назад маленький, истощенный Хог не имел сил вырыть глубокую яму, да и время его поджимало, поэтому тайник располагался почти у самой поверхности.

Вскоре лопатка наткнулась на полуистлевшую соломенную рогожу. Теперь Хай Тянь понял, почему холмик казался таким крошечным. Под дырявой соломой скрывался простой, треснувший глиняный кувшин — из тех, в которых бедняки обычно квасили овощи. Похоже, это было лучшее, что голодный ребенок смог раздобыть в трущобах для своей матери.

Глядя на этот убогий сосуд, Хай Тянь представил, как плачущий мальчик собирал в него прах самого близкого человека, и у него защемило в груди. Каким бы деспотом ни вырос нынешний маршал, его детство было поистине чудовищным.

Бережно смахнув комья земли, Хай Тянь снял куртку, укутал кувшин и крепко прижал его к груди.

Не успел он убрать ношу в оптический компьютер, как позади раздался резкий, хрустящий

топот множества ног.

— А ну стоять! Жить хочешь — поставь кувшин на землю! — донесся властный, грубый окрик.

В ту же секунду воздух позади него со свистом рассекла невидимая плеть — сильный эволюционировавший атаковал со спины. Однако удар пришелся на активированный энергетический защитный купол, рассыпавшись каскадом искр.

Из темноты заброшенного погоста выступил отряд вооруженных до зубов бойцов. Это были имперцы.

«Они охотятся за прахом! Им нужны образцы для генетической экспертизы, чтобы доказать происхождение Хога!» — запаниковала Система.

«Вот уж повезло так повезло!» — подумал Хай Тянь.

Он знал, что Империя активно роет землю в поисках компромата, но не ожидал столкнуться с ними нос к носу на глухом кладбище. Похоже, незваные гости тоже опешили, никак не рассчитывая обнаружить здесь конкурента.

В памяти Хай Тяня всплыли детали сюжета оригинального романа. Согласно первоначальной хронологии, Империя разделила силы: один отряд отвлекал маршала в его Загородном дворце, пока другой прочесывал трущобы в поисках улики.

Командир отряда равнодушно махнул рукой:

— Местный. Ликвидировать.

Хай Тянь попытался. Попытайся он убрать прах в оптический компьютер, имперские хакеры, имевшие доступ к корневой системе Звездной сети, мгновенно перехватили бы данные и удаленно изъяли контейнер. Приходилось удерживать кувшин руками. Отдавать его врагам было нельзя ни в коем случае.

Сделав несколько неловких шагов назад, юноша оценил опасность. Нападавшие били на поражение. Не будь на нем энергетического защитного купола Хога, его бы уже разорвало на куски.

Предводитель наемников нахмурился:

— Разнесите этот чертов щит!

«Ишь ты, шавки из Военного министерства Седьмого сектора совсем страх потеряли, раз снабжают гражданских экспериментальными армейскими разработками!» — мысленно выругался он.

Хай Тянь попытался блефовать, напустив на себя высокомерный вид:

— Я потомственный аристократ! Убийство благородного карается смертной казнью по законам Альянса!

Однако его слова вызвали лишь волну глумливого хохота.

— Надо же, какой голосок нежный. Да тут у нас целый аристократишка, да еще и смазливый, судя по всему, — оскалился один из наемников.

— Твою мать, мы уже полгода в этой дыре киснем. Хоть с породистым мальчиком позабавимся перед смертью!

От их грязных, сальных шуточек Хай Тянь передернуло. Он сильнее сжал глиняный сосуд. Эти ублюдки явно не были кадровыми военными. Слишком развязные, слишком дикие... Космические пираты!

Империя не могла использовать регулярные войска для столь грязного дела из-за риска политического скандала, поэтому наняла отребье, готовое на всё ради наживы. Какое бесстыдство — сотрудничать со звездной саранчой!

Пираты медленно сужали кольцо, хрустя сухими ветками под тяжелыми подошвами. От их фигур исходили волны удушливой, темной агрессии.

Сердце бешено колотилось в грудной клетке, разгоняя по жилам горячую кровь.

«Беги! Беги отсюда!» — истошно орал внутренний голос.

Но ноги словно налились свинцом и приросли к земле. Хай Тянь не поддался панике — он понимал, что стоит ему повернуться спиной и броситься наутек, как хищники тут же настигнут его и разорвут на части.

Он до боли сжал зубы. Нужно выждать момент, когда они окончательно потеряют бдительность, и нанести один смертоносный удар.

У него был выданный Хогом энергетический пистолет и собственная ментальная сила. Обычно его феромоны и духовная аура действовали как сильнейший транквилизатор, успокаивая взбесившихся альф. Но что, если запустить этот процесс в обратную сторону? Вызвать у них

мгновенный ментальный коллапс?

Хай Тянь следил за приближающимися врагами. Десять шагов... девять...

В это же время в Загородном дворце маршала полным ходом шли переговоры. Имперский посланник, прибывший под предлогом расследования покушения на Тайло и инцидента с профессором Карло, вел себя подчеркнуто вежливо, но настойчиво.

— Господин маршал, инцидент произошел на подконтрольной вам территории.

Хог восседал во главе стола, небрежно положив ладони на резные подлокотники. Его лицо оставалось маской холодного безразличия.

— Мои люди уже занимаются этим делом, — отрезал он.

— Мы признательны за сотрудничество, — монотонно, растягивая слова, продолжал дипломат.
— В случае необходимости Империя готова оказать вам военную поддержку...

— Исключено! — жестко перебил его Хог. — Внутренние дела Седьмого сектора не касаются Империи.

Внутри маршала клокотала ярость. Ему хотелось голыми руками свернуть шею этому напыщенному индюку. Слишком много пустой болтовни!

Едва посланник раскрыл рот, чтобы возразить, Хог резко поднялся с кресла. Его зрачки сузились до размеров игольного ушка.

Встроенный датчик зафиксировал: энергетический защитный купол, установленный на защитном кулоне его маленького аристократа, был полностью уничтожен!

Императорская гвардия тут же преградила ему путь, вскинув винтовки.

— Маршал, сегодня вы останетесь здесь.

Оружие смотрело ему в грудь, но Хог прекрасно понимал — стрелять в него никто не посмеет. Их задача — просто выиграть время.

Имперский посланник медленно опустил взгляд на дымящуюся дыру в собственной груди. На его лице застыло выражение глубокого, детского недоумения. Почему?.. Как он посмел?

Но Хог уже не слушал. С багровыми от ярости глазами он активировал призыв своего боевого меха.

— Запереть здание! Ни одна тварь не должна уйти живой! — бросил он подбежавшим адъютантам.

Огромный серебряный исполин взмыл в темные небеса, оставляя за собой яркий инверсионный след, и устремился в сторону трущоб.

Сотни жителей окраин задрали головы к небу.

— Боги, это же «Серебряное Сияние»! Личный мех маршала! Лучшая наступательная машина штурмового класса, способная в одиночку сдержать целую армию!

— Но ведь говорили, что маршал тяжело болен и больше не может пилотировать?

— Он не просто управляет им, он выжимает из него максимум! Неужели он полностью исцелился?!

— Постойте, куда он так спешит?

Внутри кабины Хог едва сдерживал рвущийся наружу ментальный шторм. Мощнейшие ментальные волны грозили разорвать его сосуды, но он лишь сильнее сжимал штурвал, выжимая из двигателей предельную тягу.

— Вывести лог повреждений энергетического защитного купола!

Кто в Седьмом секторе обладал достаточной огневой мощью, чтобы пробить его личную защиту?

К счастью, модуль резервной связи сработал штатно. Передавая Энергетический защитный купол своему маленькому спасителю, маршал намеренно отключил функции аудио- и видеофиксации. Он уважал личные границы юноши и не хотел прослыть одержимым параноиком, тем более что устройство чаще всего лежало в кармане или сумке, где камера всё равно ничего бы не сняла. Но сейчас аварийный протокол заставил систему ожить.

Экран перед пилотом вспыхнул, транслируя происходящее в реальном времени.

Первое, что он услышал, был чистый, звонкий голос юноши:

— Я не отдам вам прах! Вы подсланы Империей и затеяли это, чтобы уничтожить маршала

Хога!

— Тебя никто не спрашивает, щенок!

Один из нападавших рванулся вперед, намереваясь свернуть парню шею, но вдруг с диким воплем рухнул на колени, обхватив голову руками.

— Он бьет по ментальным каналам! Кончайте его!

Этот трюк окончательно взбесил наемников.

— Ах ты тварь! Похоже, ты подстилка маршала, раз так за него цепляешься. Слышь, милашка, на кой тебе этот ублюдок? Он же кровавый маньяк, которого ненавидит вся галактика!

Отголоски взрывной волны, уничтожившей энергетический защитный купол, отозвались в теле Хай Тяня тупой болью. Голова раскалывалась, перед глазамиплыли цветные круги, но, собрав волю в кулак, он удержался на ногах и с презрением посмотрел на пиратов.

«Тоже мне, нашли тирана!» — зло подумал он. В романе Хог убивал лишь тех, кто сам пытался лишить его жизни.

Вскинув подбородок, юноша произнес твердо и отчетливо:

— Мне плевать, что говорят о нем другие. Я верю ему. Он не раз спасал меня, и сегодня я верну свой долг.

Эти слова заставили Хога замереть в кресле пилота.

«Он... верит мне»

Этот хрупкий, пугливый аристократ прекрасно знал, что за маской жестокого бойца на Арене гладиаторов скрывался именно он, маршал Хог. И всё равно остался на его стороне.

Ментальный шторм внутри маршала достиг апогея. Энергия буквально разрывала его мышцы, требуя выхода. Впереди была могила матери и... он. Самый дорогой человек.

Огромная тень накрыла поле боя. «Серебряное Сияние» рухнуло с небес подобно карающей длани. Предводитель пиратов попытался активировать своего легкого меха, но маршал одним ударом стальной ноги вмял вражескую кабину в землю, превратив ее в груду металлолома.

Окутанный клубами пыли, Хог тяжело дышал, готовый разорвать ублюдков на куски. Но из

тумана внезапно донесся хриплый голос:

— Ни с места, маршал!

— Кто бы мог подумать, что ради своей грелки вы бросите имперскую делегацию и примчитесь сюда, наплевав на последствия!

Пыль осела, и маршал похолодел. Наполовину уцелевший вражеский мех крепко сжимал Хай Тяня в стальном кулаке. Из сопла второй механической руки с шипением вырвался столб ревущего пламени. Термический заряд такой мощности мог за долю секунды превратить человека в горстку пепла.

— Сделайте хоть шаг, и я превращу его в головешку. С такого расстояния даже ваша хваленая реакция высшего эволюционировавшего не поможет его спасти.

Давление ментального поля Хога возросло до критических величин. Оставшиеся на ногах наемники едва сдерживали дрожь в коленях, чувствуя, как невидимый пресс вдавливают их в землю.

— Нам нужен только прах вашей матери, маршал! — прокричал пират, пытаясь скрыть страх за наглой ухмылкой. — Отпустите нас, и мы оставим мальчишку в живых! Идет?

Он понимал, что нащупал слабое место грозного воина. Для высшего эволюционировавшего его класса истинный омега был не просто любимым человеком, но и единственным якорем, спасающим разум от безумия. Раз уж Хог оправился от смертельной травмы и снова пилотирует мех, этот юноша явно сыграл в его исцелении ключевую роль. Отпускать такой ценный трофей было обидно, но выживание сейчас стояло на первом месте.

Разум Хога разрывало от невыносимой боли. Мысли путались, уступая место первобытной жажде крови. Разорвать, уничтожить, стереть с лица земли! Но остатки самообладания заставляли его держать удар.

На чашах весов лежали две жизни: прах его матери — единственное, что связывало его с прошлым, и жизнь юноши.

Напряжение на поле боя достигло предела. Пираты затаили дыхание, ожидая вердикта правителя Седьмого сектора. Им выпал уникальный шанс, второго такого случая спасти свои шкуры уже не представится.

Хай Тянь покрепче прижал к себе глиняный кувшин.

«Классическая дилемма, — подала голос Система. — Спасти прах матери — значит дать тебе погибнуть. Спасти тебя — значит выдать тайну Хога Империи и развязать полномасштабную

войну. Извечный вопрос: кого спасать, маму или любимого, если оба тонут?»

«В нашем случае — если оба горят», — мысленно поправил ее Хай Тянь.

«Хозяин, сейчас не время для черного юмора!»

«Я знаю. Послушай, у меня есть план...»

Пока наемники ждали ответа от замершего маршала, Хай Тянь поднял взгляд на кабину серебряного гиганта. На его губах играла легкая, умиротворенная улыбка.

— Маршал, не мучайте себя. Я сделаю этот выбор за вас.

Под безмолвным, полным ужаса взглядом Хога юноша одними губами произнес:

— Спасибо тебе за всё.

В следующую секунду он задействовал все оставшиеся ментальные ресурсы. При поддержке Системы Хай Тянь рванулся всем телом, выскальзывая из стального захвата, и вместе с заветным кувшином полетел прямо в ревущее пламя.

Вспышка.

Его силуэт на мгновение озарился ослепительным светом, подобно падающей звезде, а затем клубы густого черного дыма поглотили его без остатка. Когда огонь утих, на выжженной земле не осталось ничего. Юноша исчез без следа.

Серебряный исполин замер, словно каменное изваяние. Пилот видел каждую секунду этого падения, но не успел сделать ровным счетом ничего.

Хог медленно поднял механическую руку, пытаясь поймать уносимый ветром пепел.

Уже завтра вступал в силу его пропуск. Завтра этот хрупкий юноша должен был покинуть Седьмой сектор, чтобы вернуться к своему мужу. Он так долго, так отчаянно боролся за эту возможность, радуясь каждому приближающемуся дню.

И вот всё закончилось. Точно так же, как и пятнадцать лет назад. Тогда он не смог уберечь мать. Сегодня — не сумел спасти его.

Из динамиков меха донесся тихий, прерывистый смех, который быстро перерос в безумный, леденящий душу хохот:

— Ха-ха... Ха-ха-ха-ха!

Сдерживать ментальную бурю больше не имело смысла. Вырвавшаяся на свободу ярость маршала сметала всё на своем пути, превращая его в безжалостного зверя.

<http://bllate.org/book/19467/1986952>